З. К. ТАРЛАНОВ
Петрозаводский государственный университет

СИНТАКСИС АФОРИЗМОВ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С СИНТАКСИСОМ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ)

Принято говорить об афоризмах народных и книжных. Под народными афоризмами подразумеваются пословицы, структура и организация которых уже достаточно полно описаны[1]. Что же касается афоризмов книжных, то мы пока не располагаем специальными исследованиями, посвященными им. Предлагаемая работа представляет собой попытку обозреть в общих чертах синтаксис афоризмов Козьмы Пруткова, если не в сопоставлении с синтаксисом пословиц, то хотя бы с учетом принципиальных синтаксических особенностей последних.

Изящество, практически не поддающееся формально-лингвистическому описанию художественное совершенство народных пословиц становятся особенно рельефными при сопоставлении их с книжными (или что то же самое - с авторскими) афоризмами.

Поскольку обращающиеся в национальном русском языке пословицы уже сложились к началу нового времени[2], то они вполне могут быть сопоставляемы с книжными афоризмами, приуроченными к любому этапу в новой истории русской словесности. При этом главным критерием корректности привлечения того или иного корпуса книжных афоризмов должен быть их статус с точки зрения общественного признания, их известность, узуально закрепленная понятность при использовании в качестве отсылочных формул, как бы выполняющих аксиоматическую функцию в процессе речи. Ибо глубинное сходство книжного афоризма с пословицей состоит именно в том, что оба эти феномена характеризуются прежде всего функциональной аксиоматичностью: и пословица, и книжный афоризм освобождают говорящего от подробных обоснований высказываемой им мысли, так как роль аргумента полностью перекладывается на афористическую формулу.

© Тарланов З. К., 1996

[1] См. *Тарланов З. К.* Синтаксис русских пословиц: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1970; *Он же.* Очерки по синтаксису русских пословиц. Л., 1982; и др.

[2] *Тарланов З. К.* Синтаксис русских пословиц... С. 9-11.

В качестве материала книжной афористики нового времени, пригодного для анализа в сопоставлении с русскими пословицами, привлекаются афоризмы Козьмы Пруткова, давно вошедшие в своего рода классику русской словесности[3].

При всей своей функциональной изоморфности пословицам афоризмы Пруткова, представляя тип книжной афористики, уже по предварительным наблюдениям существенно отличаются от них по многим параметрам, охватывающим и содержание, и возможности применения, и композицию, и лексико-синтаксическое оформление, и ритмическую организацию, и эвфонию и т. д.

Поскольку книжные афоризмы, как и пословицы, - это законченные или относительно законченные произведения малых жанров, то ключ к познанию их своеобразия следует искать прежде всего в синтаксисе, в том как, по каким принципам они строятся, каков диапазон синтаксических конструкций, в которые облекается их содержание; существует ли очевидная соотнесенность между типовыми синтаксическими позициями и лексическими группами, заполняющими эти позиции. Другими словами, необходимо рассмотреть книжные афоризмы с тех же позиций, с которых проанализированы пословицы.

Подлежащее

Предмет мысли афоризмов Пруткова, представляемый грамматическим субъектом, так же, как и в пословицах, выражается почти исключительно субстантивами, что вполне естественно и достаточно тривиально для языка в целом. Однако количественные параметры реализации этой общеязыковой потенции, способы ее воплощения в лексические единицы в афористике существенно отличаются от аналогичных характеристик не только в общеязыковой норме, но и в пословицах. Так, на субъект, выраженный субстантивами либо субстантивно употребленными адъективами, приходится 91,6 % всех случаев оформления подлежащего в простом предложении, в том числе субстантивами конкретной семантики - 63,8 %, абстрактной семантики - 27,6 %, например: Обручальное *кольцо* есть первое звено в цепи супружеской жизни (Пр., 1)[4]; *Влюбленный* в одну особу страстно - терпит другую токмо по расчету (Пр., 15); Женатый *повеса* воробью подобен

[3] *Берков П. Н.* Козьма Прутков. Директор Пробирной Палатки и поэт. К истории русской пародии. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 97.

[4] Ссылки на афоризмы Пруткова даются по изданию: Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Художественная литература, 1959. В скобках после обозначения фамилии автора (Пр.) следует номер афоризма. "Н" обозначает коллекцию афоризмов "Плоды раздумья, не включавшиеся в собрание сочинений Козьмы Пруткова", опубликованную в том же томе.

(Пр., 23); *Эгоист* подобен давно сидящему в колодце (Пр., 25); *Камергер* редко наслаждается природою (Пр., 43); *Вестовщик* решету подобен (Пр., 127); *Полиция* в жизни каждого государства есть (Пр., Н, 98); *Самопожертвование* есть цель для пули каждого стрелка (Пр., 9); *Воображение* поэта, удрученного горем, подобно ноге, заключенной в новый сапог (Пр., 14); *Стрельба* в цель упражняет руку и причиняет верность глазу (Пр., 30).

Из этого не следует, однако, что подлежащее не может представляться и другими лексико-грамматическими группами существительных и их субститутов. Афоризмы Пруткова, как и иные типы аналогичных произведений, в принципе вполне открыты для субстантивов разной семантики, включая и собственные имена, ср.: *Пруссия* должна быть королевством (Пр., Н, 95); И мудрый *Вольтер* сомневался в ядовитости кофе (Пр., Н, 61). Речь идет не об этом. Дело в том, что при всей своей жанрово допустимой открытости для субстантивов разной семантики книжный афоризм обнаруживает большее однообразие и очевидную монотонность в оформлении и дистрибуции подлежащего и уже этим противостоит пословице.

Субъект, оформленный местоимением (как правило, лично-отрицательным, редко - личным, лично-вопросительным), занимает периферийное место в синтаксической организации книжного афоризма (на него приходится 8,5 % всех случаев в простом предложении), например: *Никто* не обнимет необъятного (Пр., 3); Скрывая истину от друзей, кому *ты* откроешься? (Пр., 19); Единожды солгавши, *кто* тебе поверит? (Пр., 74); *Кто* мешает тебе выдумать порох непромокаемый? (Пр., 133). Как явствует из примеров, лично-вопросительные местоимения представляют субъект лишь в конструкциях, реализующих мысль в форме риторического вопроса.

Сравнение общих картин лексического наполнения позиций субъекта в книжных афоризмах и пословицах свидетельствует как о сходствах, так и о существенных различиях между ними. С одной стороны, абсолютное господство в указанной позиции субстантивных форм заметно сближает их, подтверждая тем самым их известную жанровую совмещенность. С другой стороны, эта совмещенность - сугубо внешнего свойства, ибо, в отличие от книжных афоризмов, в пословицах субстантивное начало в оформлении субъекта, вопреки его абсолютному преобладанию, выступает не как средство унификации строя единого целого, а как один из приемов реализации художественно-выразительных возможностей синтаксического строя языка в целом. Это один из способов, пусть даже самых массовых, лексико-грамматического

воплощения субъекта, который, противопоставляясь многим другим способам, не столь массовым, служит целям модифицирования, варьирования, объемного расширения заложенной в них мысли. Говоря другими словами, субъект в книжном афоризме не рассчитан на участие в создании образности, широкого подтекстового фона, следовательно, - и в синтаксической мобилизации того, что определяется его лексическим и лексико-грамматическим выражением, в то время как для пословицы важнейшим оказывается именно подтекстовый фон, опирающийся на разные языковые средства. Поэтому неудивительно, что подлежащее в пословицах несравненно разнообразнее и выразительнее подлежащего в книжном афоризме. В последнем, если исходить из данных анализируемого материала, вообще не отмечены в роли подлежащего ни инфинитивы, ни притяжательные местоимения, ни собирательные числительные и сочетания числительных с существительными и др. формы, являющиеся вполне обычными для пословицы. В целом, судя по рассматриваемому компоненту предложения, синтаксис книжных афоризмов настолько же отстоит от синтаксиса пословиц, насколько книжный язык - от народного.

Типы и структура предикатов

Общая картина оформления сказуемого (предиката) в русском афористическом высказывании, реализованном в творчестве К. Пруткова, может быть представлена в следующем виде.

Если количество конструкций, построенных по типу простого двусоставного предложения (94), принять за 100 %, то соотношения между разными структурными типами предикатов в них распределяются примерно так:

1) глагольные в настоящем времени индикатива - 46 %;
2) глагольные в будущем времени - 6 %;
3) глагольные в прошедшем времени - 2 %;
4) модальный глагол в индикативе плюс инфинитив - 5 %;
5) именные составные - 3 %;
6) именные простые (адъективные) - 27 %;
7) именные простые (субстантивные) - 6 %;
8) предложно-падежные формы - 4 %;
9) предикат в императиве - 1 %.

Все отмеченные типы предикатов вполне тривиальны с точки зрения реализации синтаксических потенций языка. Объяснения требуют прежде всего количественные различия в их употреблении.

Преобладание предикатов в настоящем времени естественно для произведений малых жанров, не являющихся повествователь-

ными, к которым относятся и книжные афоризмы. Настоящее расширенное несет в них объективирующее начало, придающее им "привкус" некой закономерности, общественно проверенного опыта жизни, ср.: *Верующий не боится напастей, но при невзгоде судьбы не отчаивается* (Пр., Н, 101); *Новые сапоги всегда жмут* (Пр., Н, 93); *Не во всякой игре тузы выигрывают!* (Пр., Н, 71); *Питомец рангов нередко портится* (Пр., Н, 62); *Военные люди защищают отечество* (Пр., Н, 52); *Пустая бочка Диогена имеет также свой вес в истории* (Пр., Н, 43); *Сократ справедливо называет бегущего воина трусом* (Пр., Н, 8).

Однако настоящее расширенное в приведенных и аналогичных им высказываниях достаточно далеко отстоит от настоящего расширенного в народной афористике, где оно практически панхронично. Силы и естественности обобщения пословицы не достигают даже и те афоризмы, которые, казалось бы, предельно приближаются к ней. Имеются в виду, в частности, высказывания с вынесенной в начало усилительно-обобщающей частицей *и*[5], ср.: *И устрица имеет врагов!* (Пр., 86); *И в самых пустых головах любовь нередко преострые выдумки рождает* (Пр., Н, 88). Присутствие частицы здесь достаточно условно: занимая позицию опоры обобщения смысла и сокращения объема высказывания, она ни в той, ни в другой функциях не достигает цели. Это особенно очевидно на втором примере. Отсюда ясно, что настоящее расширенное в книжной афористике формально с жанрово-художественной точки зрения. Оно лишено шлифующего, эстетизирующего начала.

Особенно полярны пословицам афоризмы, включающие в свой состав глагольную форму *есть* в качестве связки или самостоятельного предиката в бытийном значении, ср.: *Самопожертвование есть цель для пули каждого стрелка* (Пр., 9); *Самолюбие и славолюбие суть лучшие удостоверения бессмертия души человеческой* (Пр., 53); *На дне каждого сердца есть осадок* (Пр., 64); *Степенность есть надежная пружина в механизме общежития* (Пр., 158); *Обручальное кольцо есть первое звено в цепи супружеской жизни* (Пр., 1); *Первый шаг младенца есть первый шаг к его смерти* (Пр., 33); *В глубине всякой груди есть своя змея* (Пр., 88); *Всякая вещь есть форма проявления беспредельного разнообразия* (Пр., 108);

---

[5] О роли частицы *и* в разных жанрах русского фольклора см.: *Тарланов З. К.* О жанрово обусловленных функциях союза-частицы *и* в языке русского фольклора // Язык жанров русского фольклора: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск, 1983; *Он же.* Язык. Этнос. Время. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1993. С. 168.

Ветер есть дыхание природы (Пр., 4); *Моменты свидания и разлуки суть для многих самые великие моменты в жизни* (Пр., Н, 85); *Полиция в жизни каждого государства есть* (Пр., Н, 98); *Прусак есть один из самых назойливых насекомых* (Пр., Н, 100).

Как известно, такое употребление формы *есть (суть)*, вернее - настоящее, оформляемое посредством именно этой глагольной связки (либо глагольного предиката) - это характернейшая примета строго книжного стиля выражения. Причем конструкции, включающие ее, не выделяются как какое-то отклонение на фоне остальных конструкций в настоящем времени. Это свидетельствует о том, что настоящее расширенное в афористике Козьмы Пруткова, равно как и в прочих аналогичных авторских сентенциях, представляет собой локализованную разновидность настоящего расширенного, тип констатации, приурочиваемой не только к моменту речи. Другими словами, из настоящего времени книжных афоризмов момент речи не исключается, в то время как в народных афоризмах (пословицах) полностью исключаются любые проявления временной локализации.

Ограниченность настоящего расширенного в книжных афоризмах поддерживается и тем, что в них нередко называются имена авторов суждений, конкретных исторических лиц, так или иначе привлекаемых для формулирования мысли (*Сократ, Рафаэль, Александр Македонский, Диоген* и др.); возможны повторы одних и тех же слов, словосочетаний; часты случаи осложнения ядра предложения однородными членами, причастными и деепричастными оборотами, детализирующими определениями и прочими явлениями, расширяющими объем высказываний, тем самым способствующими конкретизации их субъектных, модально-субъективных, пространственно-временных характеристик, ср.: *Первый шаг* младенца есть *первый шаг* к его смерти (Пр., 33); *Моменты свидания и разлуки* суть для многих *самые великие моменты* в жизни (Пр., Н, 85); Земной шар, *обращающийся в беспредельном пространстве*, служит пьедесталом для всего, *на нем обретающегося* (Пр., 105); Человек ведет переписку со всем земным шаром, а через печать *сносится даже* с отдаленным потомством (Пр., 96).

В преодолении временной локализации эффекта не достигается даже с помощью слов *всякий, многие, все*, по природе своей служащих для обобщения.

По той же причине в книжных афоризмах вполне приемлемыми оказываются и устаревшие формы языка, ср.: Любовь, поддерживаясь, подобно огню, непрестанным движением, исчезает *купно* с надеждою и страхом (Пр., 118); Разум показывает человеку

не *токмо* внешний вид, красоту и доброту каждого предмета, но и *снабдевает* его действительным *оного* употреблением (Пр., Н, 89).

С точки зрения уяснения хронологических параметров настоящего расширенного в книжной афористике важно обратить внимание также и на ее неприкрытую субъективность, отмеченность авторским взглядом на предмет или событие речи. Подобная субъективность реализуется прежде всего общей назидательной направленностью авторской афористики, далекой от предельной объективированности и обобщенности народных пословиц. В афоризме *Стрельба в цель упражняет руку и причиняет верность глазу* (Пр., 30) пациенсы (падежные формы с объектной семантикой) вместе с управляющими ими предикатами - это в первую очередь способ актуализации субъективности. Той же цели служит противительно-ограничительный союз *но* в высказывании *Верующий не боится напастей, но при невзгоде судьбы не отчаивается* (Пр., Н, 101). В принципе аналогичны функции специальных, всегда модально маркированных, лексем, структуры высказывания, подчеркивающей модус, точку зрения говорящего (субъекта речи) на то, о чем в нем идет речь, ср.: *Барометр в земледельческом хозяйстве может быть с большою выгодою заменен усердною прислугою, страдающею нарочитыми ревматизмами* (Пр., 135); *Смерть и солнце не могут пристально взирать друг на друга* (Пр., Н, 7); *Издание некоторых газет, журналов и даже книг может приносить выгоду* (Пр., 152); *Никто, по Сенекиному сказанию, не может оказать добродетели в другом случае, как в несчастии* (Пр., Н, 28); *Без надобности носимый набрюшник - вреден* (Пр., Н, 83); *И самый последний нищий, при других условиях, способен быть первым богачом!* (Пр., Н, 36); и др.

Итак, в книжной афористике, как и в афористике в целом, абсолютно преобладает настоящее время, однако, в отличие от народной афористики, оно никогда не теряет соотнесенности с парадигмой времени.

Подтверждением верности сказанного является то обстоятельство, что предикаты в книжных афоризмах, пусть редко, но представляются формами будущего и прошедшего времен, ср.: Иной певец подчас *хрипнет* (Пр., 72); Никто *не обнимет* необъятного (Пр., 3, 44, 67); Скрывая истину от друзей, кому ты *откроешься?* (Пр., 19); Единожды солгавши, кто тебе *поверит?* (Пр., 74); И мудрый Вольтер *сомневался* в ядовитости кофе! (Пр., 61); Человек, не будучи одеян благодетельною природою, *получил* свыше дар портного искусства (Пр., 17).

Односоставные конструкции

Книжные афоризмы, судя по рассматриваемому источнику, чрезвычайно бедны в плане использования моделей односоставных предложений. Общее количество сентенций, оформленных по этим моделям, составляет 128 единиц, причем в процентном отношении по отдельным типам они распределяются примерно следующим образом:

1) неопределенно-личные, в которых главный член выражен формой 2-го лица ед. ч. императива - 50 %;

2) неопределенно-личные с главным членом в форме 2-го лица ед. ч. индикатива - 14 %;

3) те же конструкции с главным членом в форме 3-го лица мн. ч. индикатива - 3 %;

4) определенно-личные предложения с главным членом в форме 1-го лица ед. ч. - 22 %;

5) безличные предложения - 11 %.

Необходимо еще раз обратить внимание на незначительность абсолютных количественных характеристик упомянутых типов синтаксических конструкций в афористике Пруткова. Как и чем это объяснить - особый вопрос, к которому вернемся чуть позже. Пока же кратко остановимся на их организации.

Наиболее распространены, как уже отмечалось, конструкции, построенные по модели односоставных побудительных предложений с императивом 2-го лица ед. ч. в роли главного члена. Они обнаруживают очевидное разнообразие по количеству составляющих их компонентов. Максимально аффективны и стилистически маркированы однокомпонентные конструкции, трансформировавшиеся в своеобразные сигналы идиостиля Пруткова: *Бди!* (Пр., 42); *Козыряй!* (Пр., 150). Редки двухкомпонентные конструкции: *Смотри в корень!* (Пр., 5). Далее следуют трехкомпонентные конструкции, к числу которых должны быть отнесены и построения с деепричастными оборотами, ср.: *Всегда держись начеку!* (Пр., 129); *Принимаясь за дело, соберись с духом* (Пр., 56); *Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой* (Пр., Н, 70). Замыкают этот ряд конструкции, включающие в себя четыре и более компонентов: *На чужие ноги лосины не натягивай* (Пр., 94); *Купи прежде картину, а после рамку!* (Пр., Н, 73); *Начиная свое поприще, не теряй, о юноша! драгоценного времени!* (Пр., Н, 330); *Отнюдь не принимай почетных гостей в разорванном халате!* (Пр., Н, 25); *Взирая на высоких людей и на высокие предметы, придерживай картуз свой за козырек* (Пр., 103); *Не в совокупности ищи единства, но более - в единообразии разделения* (Пр., 81).

Относительно активны в афористике Пруткова односоставные определенно-личные конструкции с главным членом в форме 1-го лица ед. ч., абсолютно чуждые для синтаксиса пословиц: *Почти всякое морщинистое лицо смело уподоблю груше, вынутой из компота* (Пр., Н, 82); *Неискусного вождя, желающего уподобиться Атилле, смело назову "нагайкою" провидения* (Пр., Н, 58); *Небо, усеянное звездами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала* (Пр., 113); *Иного прогуливающегося старца смело уподоблю песочным часам* (Пр., 90); *Слабеющие глаза всегда уподоблю старому потускневшему зеркалу, даже надтреснутому* (Пр., 13); *Перо, пишущее для денег, смело уподоблю шарманке в руках скитающегося иностранца* (Пр., 57).

В этой группе конструкций субъективность почти не ограничена. Дело не только в том, что они (эти высказывания) принадлежат определенному лицу (автору), и это отчетливо выражено средствами грамматики (формами времени, лица, числа и т. д.). Субъективность градационно развенчивается посредством подключения средств лексики, она как бы персонифицируется, отождествляясь с вполне конкретным лицом, с проявлением его воли. Таково назначение слов "смело", "всегда", характеризующих действие главного члена конструкции, позиции которого, как правило, заполняются одними и теми же глагольными лексемами - "*смело* (*всегда*) *уподоблю*".

Более объективированы по содержанию и тем самым приближены к пословичным суждениям афоризмы, представленные в виде односоставных конструкций с формой 2-го лица ед. ч. индикатива в роли главного члена, ср.: *В спертом воздухе при всем старании не отдышишься* (Пр., Н, 102); *Одного яйца два раза не высидишь* (Пр., Н, 31); *Только в государственной службе познаешь истину* (Пр., 89); *В доме без жильцов - известных насекомых не обрящешь* (Пр., 35). Среди подобных конструкций больше других сопоставимы с обобщенно-личными предложениями в пословицах лишь те, главный член которых выступает в отрицательно-обобщающей форме индикатива.

Единственным случаем представлен тип односоставных конструкций с неопределенно-личной семантикой и главным членом в форме 3-го лица настоящего времени индикатива: *Хорошего правителя справедливо уподобляют кучеру* (Пр., 154).

Довольно однотипен и ряд безличных конструкций: *Слабеющую память можно также сравнивать с увядающею незабудкою* (Пр., 12); *Глядя на мир, нельзя не удивляться!* (Пр., 110); *И при железных дорогах лучше сохранять двуколку* (Пр., 144).

О составе и структуре второстепенных членов предложения

Высказываний, построенных по моделям нераспространенных предложений, в афоризмах Козьмы Пруткова почти не представлено. Тем не менее и здесь обнаруживается то, что в пословицах вовсе не встречается.

Речь идет об одночленных односоставных конструкциях типа *Бди! Козыряй!*, по своей семантике напоминающих обобщенно-личные предложения, хотя оформлены по канонам односоставных определенно-личных конструкций. С определенно-личными больше всего сближает их нераспространенность, полностью исключенная, например, для предложений обобщенно-личных. В целом же афоризмы Пруткова достаточно разнообразны в плане протяженности, объемности оформления.

Трехчленные высказывания оказываются распространенными чаще всего за счет дополнительного (объектного) компонента, выраженного косвенной падежной формой: *И терпентин на что-нибудь полезен!* (Пр., 60).

Четырехчленные высказывания представляют собой результат развертывания трехчленных за счет включения, как правило, атрибутивного компонента к агенсу или пациенсу: *Не всякому офицеру мундир к лицу* (Пр., Н, 46); *Чужой нос другим - соблазн* (Пр., Н, 75); *Женатый повеса воробью подобен* (Пр., 23). Редко четвертый член может быть и обстоятельством: *Камергер редко наслаждается природою* (Пр., 43); *Новые сапоги всегда жмут* (Пр., Н, 93).

Наиболее многочисленны афоризмы, включающие в себя пять и более компонентов. При этом распространители второго уровня - это, как правило, те же атрибутивные компоненты, присоединяющиеся к агенсу и пациенсу (к субъекту и объекту действия-состояния): *У всякого портного свой взгляд на искусство* (Пр., Н, 45); *Слабеющая память подобна потухающему светильнику* (Пр., 11); *Влюбленный в одну особу страстно - терпит другую токмо по расчету* (Пр., 15); *И в самых пустых головах любовь нередко преострые выдумки рождает* (Пр., 88).

Иллюстративный материал показывает, что в составе распространенного предложения, в которое облекается афористическая мысль Козьмы Пруткова, встречаются разные второстепенные компоненты. Однако в действительности безусловно господствует согласованное определение, что в конечном счете объясняется очевидной перифрастичностью, описательностью, книжной вялостью его синтаксиса.

Осложненное предложение

Одна из самоочевидных и коренных особенностей синтаксиса книжной афористики - это его открытость для явлений, осложняющих структуру высказывания[6]. В отличие от пословиц, афоризмы Пруткова свободно включают в себя так называемые причастные и деепричастные обороты, однородные члены, обычно избегаемые в непринужденной разговорной речи.

В конструкциях с причастными оборотами безраздельно господствуют те, в которых определяемое слово препозитивно. Исключение составляет единственный случай - *Огорошенный судьбою, ты все ж не отчаивайся* (Пр., Н, 16). Постпозитивный причастный оборот чаще всего замыкает все высказывание, ср.: Барометр в земледельческом хозяйстве может быть с большою выгодою заменен усердною *прислугою, страдающею нарочитыми ревматизмами* (Пр., 135); Почти всякий человек подобен *сосуду* с кранами, *наполненному живительною влагою производящих сил* (Пр., 124); Умные речи подобны *строкам, напечатанным курсивом* (Пр., 27); Гений подобен *холму, возвышающемуся на равнине* (Пр., 26); Время подобно искусному *управителю, непрестанно производящему новые таланты взамен исчезнувших* (Пр., 142); Почти всякое морщинистое лицо смело уподоблю *груше, вынутой из компота* (Пр., Н, 82); Слабеющие глаза всегда уподоблю старому потускневшему *зеркалу, даже надтреснутому* (Пр., 13).

Далее по частотности следуют конструкции с интерпозитивными причастными группами: *И саго, употребленное не в меру,* может причинить вред (Пр., 140); Душа *индейца, верящего в метемпсихозию,* похожа на червячка в коконе (Пр., 54); *Пробка* шампанского, *с шумом взлетевшая и столь же мгновенно ниспадающая*, - вот изрядная картина любви (Пр., Н, 32); Неискусного *вождя, желающего уподобиться Атилле*, смело назову "нагайгой" провидения (Пр., Н, 58); *Небо, усеянное звездами,* всегда уподоблю груди заслуженного генерала (Пр., 113); *Перо, пишущее для денег*, смело уподоблю шарманке в руках скитающегося иностранца (Пр., 57).

Иногда афоризмы оказываются перегруженными причастными группами, включаемыми в структуру высказывания дважды - в середине и конце его, ср.: Чрезмерный *богач, не помогающий бедным,* подобен здоровенной *кормилице, сосущей с аппетитом*

---

[6] Новейший обзор специальной литературы по синтаксису осложненного предложения в русском языке см.: *Патроева Н. В.* Осложненное предложение и его функции в поэтической речи Е. А. Баратынского. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. С. 5-6.

собственную грудь у колыбели голодающего дитяти (Пр., 92); Воображение *поэта, удрученного горем,* подобно *ноге, заключенной в новый сапог* (Пр., 14); *Земной шар, обращающийся в беспредельном пространстве,* служит пьедесталом *для всего, на нем обретающегося* (Пр., 105).

Картина с деепричастными группами во многом противоположна той, которая характеризует афористические высказывания с причастными группами. Здесь вообще не отмечены случаи, когда бы деепричастные группы замыкали синтаксическую конструкцию. Чаще всего они препозитивны не только по отношению к основному предикату, но и ко всему высказыванию в целом, ср.: *Единожды солгавши, кто тебе поверит?* (Пр., 74)[7]; *Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?* (Пр., 19); *Глядя на мир, нельзя не удивляться!* (Пр., 110); *Принимаясь за дело, соберись с духом* (Пр., 56); *Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой* (Пр., Н, 70); *Начиная свое поприще, не теряй, о юноша! драгоценного времени!* (Пр., Н, 33); *Взирая на высоких людей и высокие предметы, придерживай картуз свой за козырек* (Пр., 103). Те же группы, располагаясь в середине высказывания, все равно препозитивны по отношению к предикативной форме, ср: *Человек, не будучи одеян благодетельною природою, получил свыше дар портного искусства* (Пр., 17); *Светский человек бьет на остроумие и, забывая ум, умерщвляет чувства* (Пр., Н, 53); *Любовь, поддерживаясь, подобно огню, непрестанным движением, исчезает купно с надеждою и страхом* (Пр., 118).

Для синтаксиса книжной афористики, в отличие от пословиц, не чужды и конструкции с однофункциональными и уточняющими компонентами (с однородными и уточняющими членами). Однако удельный вес разных типов компонентов при этом неодинаков, хотя выполнять роль однородного может любой член предложения.

Относительно свободно включаются в афористические высказывания:

1) однородные подлежащие (ряд их обычно бинарен): *Вред или польза* действия обусловливается совокупностью обстоятельств (Пр., Н, 2); *Смерть и солнце* не могут пристально взирать друг

---

[7] Эта конструкция специфична тем, что в ней субъект деепричастия и субъект предиката не совпадают, подобные конструкции обычно квалифицируются как отклонение от русской синтаксической нормы, см., например: *Тарланов З. К.* Реликтовые формы в коллекциях русских пословиц по записям XVII-XX вв. // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979. С. 71-73.

на друга (Пр., Н, 7); *Благочестие и суеверие* - две разницы! (Пр., Н, 76); *Благочестие, ханжество, суеверие* - три разницы (Пр., 157); *Самолюбие и славолюбие* суть лучшие удостоверения бессмертия души человеческой (Пр., 53);

2) однородные сказуемые: Верующий *не боится* напастей, но при невзгоде судьбы *не отчаивается* (Пр., Н, 101); Человек *ведет переписку* со всем земным шаром, а через печать *сносится* даже с отдаленным потомством (Пр., 96); Покорность *охлаждает* гнев и *дает размер* взаимным чувствам (Пр., 145); Разум *показывает* человеку не токмо внешний вид, красоту и доброту каждого предмета, *но и снабдевает* его действительным оного употреблением (Пр., Н, 89); Стрельба в цель *упражняет* руку и *причиняет* верность глазу (Пр., 30); И египтяне *были* в свое время *справедливы и человеколюбивы* (Пр., Н, 90);

3) однородные дополнения: У многих катанье на коньках производит *одышку и трясение* (Пр., 159); Издание некоторых *газет, журналов и даже книг* может приносить выгоду (Пр., 152); Вещи бывают великими и малыми не токмо по воле *судьбы и обстоятельств, но также по понятиям каждого* (Пр., 139); Степенность равно прилична *юноше и* убеленному сединами *старцу* (Пр., Н, 65); Купи прежде *картину,* а после *рамку! (*Пр., Н, 73)[8];

4) однородные обстоятельства, отмечаемые исключительно редко: Лучше скажи *мало, но хорошо* (Пр., 6);

5) весьма характерно то, что для книжной афористики вовсе не чуждо употребление уточняющих, а также окказионально-уточняющих компонентов, ср.: Во всех частях земного шара имеются свои, *даже иногда очень любопытные,* другие части (Пр., 109); Никто, *по Сенекиному сказанию,* не может оказать добродетели в другом случае, как в несчастии (Пр., Н, 28); Мудрость, *подобно черепаховому супу,* не всякому доступна (Пр., Н, 50); И самый последний нищий, *при других условиях,* способен быть первым богачом! (Пр., Н, 36); Незрелый ананас, *для человека справедливого,* всегда хуже зрелой смородины (Пр., Н, 30).

Таким образом, книжные афоризмы, построенные по моделям простого предложения, судя по материалу Пруткова, существенно отличаются от пословиц уже по их чисто внешним, формально-структурным показателям. С одной стороны, среди них полностью или почти полностью отсутствуют такие типы структур, которые в народной афористике составляют маркированное ядро

---

8 Последняя конструкция по своей структуре скорее все же - сложноподчиненное предложение, о чем свидетельствуют формы, следующие за союзом, которые зависят от пропущенного предиката.

синтаксиса (обобщенно-личные, неопределенно-личные и некоторые другие). С другой, - здесь отмечается то, что в принципе контрастирует со строем пословиц, - это конструкции с однородными, обособленными, уточняющими членами, вокативами и т. д.

Афоризмы Пруткова, как, по-видимому, книжные высказывания подобной ориентации в целом, абсолютно свободны в диспозиции составляющих их компонентов. Свобода их обусловливается прежде всего тем, что они не знают ритмической организации, эвфонии, поэтической упорядоченности синтаксиса, столь органичных для народной афористики. Но подобная формальная, внешняя свобода не означает стихии в размещении упомянутых компонентов. Здесь прослеживаются вполне определенные закономерности, обусловленные ролью их в актуализации афористического содержания. В частности выявляется последовательность, когда, например, члены предложения, выраженные причастными конструкциями, неизменно завершают высказывание, в то время как члены предложения, представленные деепричастными конструкциями, начинают его.

Как бы указанные компоненты ни размещались в высказывании, они оказываются в конечном счете важнейшими конструктивными, структурными элементами афоризма, поскольку служат для создания контраста, являющегося стержнем целого. В этом, в контрастивном, оппозиционном принципе выстраивания компонентов, составляющих единую структуру, - главное звено, безусловно сближающее книжный афоризм с народной пословицей. А это в свою очередь обусловливается их принадлежностью к малым жанрам, в которых свойственная всякому словесному произведению внутренне-содержательная перспектива почти полностью зиждется на полярности, противопоставленности соответствующих сегментов целого, функционирующих бинарно, ср. например: *Гений подобен холму, возвышающемуся на равнине* (развертывается содержание члена семантической оппозиции - *гений*: *посредственность*, второй член которой остается невыраженным); И саго, *употребленное не в меру*, может причинить вред (градуальная оппозиция[9], которая держится на причастной группе); Чрезмерный *богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, сосущей собственную грудь у колыбели голодающего дитяти* (уподобление лиц по отрицательным признакам, выстраивающее их в оппозицию); *Принимаясь за дело, соберись с духом* (*обусловливающее:*

[9] Оппозиции, выделенные Н. С. Трубецким для квалификации фонем, вполне могут быть использованы и здесь. См.: *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960. С. 82 и сл.

обусловливаемое, реализующееся сочетанием деепричастной группы с собственно глагольной группой); *Благочестие и суеверие - две разницы* (противопоставление членов однородного ряда путем разрыва семантической характеристики); *Покорность охлаждает гнев и дает размер взаимным чувствам* (однородные предикаты выстраиваются в контрастирующий ряд путем привлечения соответствующих для этого распространителей, подчеркивающих их содержательную автономность); и т. д.

Иллюстраций подобного рода можно привести много. Но достаточно и приведенных для того, чтобы увидеть какие-то из композиционных приемов оформления афористических высказываний. Сколь бы разнообразны они ни были, они неизменно диалектичны, противоречивы по их смыслообразующей предназначенности и конституирующей роли.

Весь смысл, все содержание афоризма строится на внутреннем столкновении компонентов, составляющих высказывание. При этом само внутреннее столкновение актуализируется либо противопоставлением частей, либо лексической антонимией (языковой или речевой), либо контрастностью отдельных семантических множителей, размещенных в соответствующих композиционных частях высказывания, либо противоположением морфем, либо противоположением показателей грамматических отношений и т. д. Речь идет о непременном составляющем книжной афористики, без которого она немыслима. Роль ее просто незаменима в этом жанре, поскольку здесь композиционно-поэтические средства, столь важные в строении пословиц, почти безучастны. Книжные афоризмы далеки от изящества, легкости, прозрачности, ритмической организованности, лапидарности, образности, обобщенности и авторитетности смысла пословиц - этих подлинных шедевров словесно-художественной культуры народа.

Для пословиц чужда внутриэтническая пространственная и хронологическая закрепленность: настоящие пословицы живут века, аккумулируя в себе жизненный опыт народа. Они, будучи одной из форм мировидения и познавательной деятельности человечества, свободно преодолевают и межэтнические границы: пословица поучительна и содержательна всегда, независимо от того где, когда и на каком языке она зародилась.

Сложное предложение

Афоризмы Пруткова характеризуются совершенно иными, чем в пословицах, соотношениями типов сложных предложений, что уже является выражением существующих между ними коренных различий. В абсолютных числах эти соотношения выглядят следу-

ющим образом: всего афоризмов, оформленных в виде сложных конструкций, - 144 (100 %);

в том числе:

сложносочиненных - 15 (10 %);

сложноподчиненных - 55 (38 %);

бессоюзных - 24 (17 %);

сложных предложений усложненной структуры - 50 (35 %).

Очевидно, что в афористике Пруткова, представляющей разновидность книжной афористики в целом, абсолютно преобладают высказывания, построенные по типу сложноподчиненных предложений. Почти столько же высказываний, представляющих собою сложные предложения усложненной структуры. На долю тех и других приходится 73 % афоризмов, облеченных в форму сложных предложений. Что же касается сложносочиненных и бессоюзных конструкций, то на их долю остается лишь чуть больше четверти всех афоризмов.

Если к этому добавить, что в синтаксисе афоризмов Пруткова безусловно предпочтительной оказывается модель сложного предложения (55 % всех конструкций), то сам собой напрашивается вывод о том, насколько афоризмы с их тяжелым, громоздким синтаксисом далеки от совершенства народных пословиц[10].

Сложносочиненное предложение

Едва ли в данном случае есть необходимость специально останавливаться на общетеоретических проблемах, связанных с синтаксисом сложносочиненного предложения, как и других типов сложных конструкций. Проблематика эта и направления ее решения достаточно хорошо известны. Понимание ее автором отражено в ряде работ, к которым читатель может обратиться[11].

И по количеству, и по средствам выражения синтаксических отношений между составляющими их структурно-композиционными частями сложносочиненные предложения не претендуют на сколько-нибудь заметное место в синтаксисе афоризмов Пруткова. Всего их - 15, в том числе соединенных союзом *но* - 7, союзом *а* - 4, союзом *и* - 4.

---

[10] Предварительные наблюдения над синтаксисом афоризмов, сентенций разных периодов подтверждают это. См.: Мудрое слово Древней Руси / Сост., вступ. статья, подг. древнерусских текстов, переводы и коммент. докт. филол. наук В. В. Колесова. М.: Советская Россия, 1989.

[11] См., напр.: *Тарланов З. К.* Очерки по синтаксису русских пословиц. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982; *Он же.* Язык. Этнос. Время. С. 80-91; *Он же.* Синтаксические границы сложного предложения в русском языке: К спорам вокруг известного // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 83-90.

Части конструкций с союзом *но*, за редкими исключениями, оформлены по моделям односоставных личных и безличного предложений. При этом союз *но* выступает средством реализации обычных для подобного рода конструкций противопоставительных отношений с оттенками ограниченности, возместительности, присоединительности, градационности и т. д., ср.: *Люби ближнего, но не давайся ему в обман* (Пр., Н, 63); *Не в совокупности ищи единства, но более - в единообразии разделения* (Пр., 81); *Философ легко торжествует над будущею и минувшею скорбями, но он же легко побеждается настоящею* (Пр., 112); *Приятно полоскать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот* (Пр., Н, 60).

К конструкциям с союзом *но* по выраженной в них тенденции оформлять составляющие их части по типу односоставных предложений тяготеют и конструкции с соединительным союзом *и*, посредством которого актуализируются:

а) отношения, близкие к результативным: *Взирая на солнце, прищурь глаза свои, и ты смело разглядишь в нем пятна* (Пр., 14);

б) отношения присоединительные: *Талантами измеряются успехи цивилизации, и они же представляют верстовые столбы истории, служа телеграммами от предков и современников к потомству* (Пр., 143);

в) отношения противопоставления: *Чиновник умирает, и ордена его остаются на лице земли* (Пр., Н, 21);

г) отношения причинно-следственные: *Отыщи всему начало, и ты многое поймешь* (Пр., Н, 92).

Тем и другим в известной мере противостоят конструкции с союзом *а*, части которых, объединяясь вокруг сопоставительных отношений, строятся по моделям двусоставных предложений, ср.: *В здании человеческого счастья дружба возводит стены, а любовь образует купол* (Пр., 102); *Вакса чернит с пользою, а злой человек - с удовольствием* (Пр., 115); *Дружба согревает душу, платье - тело, а солнце и печка - воздух* (Пр., Н, 59); *Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален* (Пр., 111).

По удельному весу среди прочих сложных структур, по семантико-синтаксическим отношениям между предикативными единствами, составу средств связи и их функциональному диапазону сложносочиненные предложения в рассматриваемом жанре свидетельствуют не столько о его языковой свободе и размашистости, сколько об ограниченности и фиксированности языковых средств.

Сложноподчиненное предложение

По составу важнейших компонентов, составляющих сложноподчиненное предложение, книжные (авторские) афоризмы принципиально не отличаются от литературного языка в целом.

Описание рассматриваемых конструкций можно было бы вести на базе средств связи между их частями, однако подобный ход оправдан при обращении к массовым материалам. В данном случае по соображениям экономии предпочтительно вести описание по типу семантических отношений между главной и придаточной частями сложного целого, что включает в себя, естественно, и характеристику средств связи.

Среди сложноподчиненных наиболее продуктивны конструкции, части которых объединяются вокруг изъяснительных отношений, реализуемых при посредстве союзных и относительных слов *что, кто, почему, точно*.

В подавляющем большинстве случаев придаточная часть, соединяемая с главной преимущественно союзом-союзным словом *что*, либо семантически дополняет предикат главной части, либо же раскрывает смысл соотносительного слова. При этом главная часть строится, как правило, по модели односоставного предложения. Ср.: *Иные настойчиво утверждают, что жизнь каждого записана в книге Бытия* (Пр., 148); *Рассчитано, что петербуржец, проживающий на солнцепеке, выигрывает двадцать процентов здоровья* (Пр., 119); *Знай, читатель, что мудрость уменьшает жалобы, а не страдания!* (Пр., Н, 51); *Имея в виду какое-либо предприятие, помысли, точно ли оно тебе удается* (Пр., Н, 54); *Бывает, что усердие превозмогает и рассудок* (Пр., Н, 27); *Не совсем понимаю: почему многие называют судьбу индейкою, а не какою-либо другою, более на судьбу похожею птицею?* (Пр., 149); *Не все стриги, что растет* (Пр., 70); *Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно объять необъятное* (Пр., 104); *Здоровье без силы - то же, что твердость без упругости* (Пр., 47).

Касаясь сложноподчиненных предложений с изъяснительными отношениями, трудно обойти вопрос о синтаксическом статусе ряда относимых сюда конструкций, в частности, таких, в которых главный член-предикат внешне напоминает безличное предложение, а также и ряда других, например: *Дознано, что земля своим разнообразием и великостью нас поражающая, показалась бы в солнце находящемуся смотрителю только как гладкий и ничтожный шарик* (Пр., Н, 17); *Лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту* (Пр., 151); *Бердыш в руках воина то же, что меткое слово в руках писателя* (Пр., 31).

Все три конструкции обычно относят к сложноподчиненным предложениям с изъяснительными отношениями на основании учета функционально-семантической роли придаточных частей по отношению к главным. Однако при этом не принимается во внимание то, что каждая из них синтаксически специфична по отношению к другим. Кроме того, при ныне распространенном подходе неясным остается вопрос о синтаксической идентификации грамматически господствующей части.

Обратимся к первой конструкции - *Дознано, что...* Что собой представляет *дознано*? Это модель полного нераспространенного безличного предложения или же двусоставного неполного с пропуском факультативно актуализируемой позиции субъекта?

Вопрос этот не праздный, ибо от ответа на него зависит квалификация конкретного типа реализуемых всей конструкцией отношений, если трактовать ее, как ныне принято. Однако гораздо важнее то, что при безразличии к собственно синтаксической стороне интересующего нас сегмента высказывания вообще выпадает из поля зрения вопрос о возможностях и национальной специфике синтаксических средств языка, т. е. тот самый вопрос, который составляет в конечном счете цель всяких синтаксических исследований.

Итак, каков структурно-синтаксический статус главной части в рассматриваемой конструкции?

По существу, ничто не мешает идентифицировать *дознано* с неполным двусоставным предложением с пропущенным, но легко восстанавливаемым субъектом-подлежащим в им. пад., ср.: *Дознано то, что...; Дознан факт, что...; Дознана ситуация, что...; Дознаны дела, что...* Вместе с тем очевидно, что конструкция вовлечена в сферу фразеологизации: едва ли подлежит сомнению, что в подобных случаях препозиция предиката фиксирована и не является факультативной (вариантной). Это в свою очередь свидетельствует, в частности, и о том, что рассматриваемая и аналогичные ей конструкции, часто реализуясь в своем неполном виде, только предикативной формой в среднем роде, при отсутствии согласования, оформляющем бессубъектность, - оказываются сближенными с предложениями безличными. Они представляют переходную стадию в синтаксисе - от личных к безличным конструкциям. Общность морфологической формы предиката в личном и безличном предложениях (средний род актуальный или генетический) предопределяет потенциальную включенность их одновременно в парадигму как двусоставных, так и односоставных предложений. А это и есть одно из составляющих той самой базы, которая

обеспечивает необычайную гибкость и открытость синтаксической системе русского языка.

Что касается второй среди приведенных конструкций - *Лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту,* - то в ней предикатная форма *кажется,* обычно функционируя на стыке двусоставных и односоставных предложений, в данном случае конституирует исключительно двусоставное предложение, что обусловливается препозитивно употребленным определительным словом *лучший,* относящимся к подлежащему и не допускающим его пропуска.

Придаточное изъяснительное в третьем случае - *Бердыш в руках воина то же, что меткое слово в руках писателя* - практически выполняет рематическую функцию по отношению к первой части - теме, ср. трансформы: *Бердыш в руках воина что меткое слово в руках писателя; Бердыш в руках воина как меткое слово в руках писателя; Меткое слово в руках писателя что (как) бердыш в руках воина;* и т. д.

Вместе с тем необходимо заметить, что первая часть высказывания, обладая всеми грамматическими возможностями для самостоятельного функционирования, к такому функционированию в действительности не способна, ср.: *Бердыш в руках воина то же* (?!). Аналогично обстоит дело и со второй частью. Речь идет не о тех случаях, когда главная часть сложноподчиненного предложения оказывается семантически недостаточной. Следовательно, под придаточное изъяснительное по современной терминологии подводятся такие разные по их глубинному смыслу конструкции, которые никак не связаны между собою единством классификационных признаков. Разумеется, изъян такого подхода заключается не в том, что нарушает единство классификационных признаков, а в том, что представляет искаженную картину синтаксических потенций и возможностей русского языка.

Сравнительно активны в афористическом синтаксисе К. Пруткова сложноподчиненные предложения, придаточная часть которых выражает цель и соединяется с главной посредством союзов *чтобы, дабы.* Главная часть почти всегда содержит местоименно-соотносительное слово, нацеленное на придаточную конструкцию, например: *У человека для того поставлена голова вверху, чтобы он не ходил вверх ногами* (Пр., II, 99); *Человеку даны две руки на тот конец, дабы он, принимая левою, раздавал правою* (Пр., 120); *Ногти и волосы даны человеку для того, чтобы доставить ему постоянное, но легкое занятие* (Пр., 71); *Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовиться* (Пр., 34).

Соотносительное слово может и отсутствовать, тогда целевые отношения, лишаясь строго рамочного оформления, приобретают расплывчатость, совмещая параметры изъяснительных и ограничительно-противопоставительных отношений, ср.: *Иногда достаточно обругать человека, чтобы не быть им обманутым!* (Пр., 121).

Как и в других подобных случаях, приведенные афоризмы Пруткова построены на столкновении невозможного с реально существующим посредством установления таких связей между ними, которые волею автора трактуются как органичные. То, чему с помощью языковых средств придается правдоподобность, интерпретируется как реальность. Аксиоматическая банальность включается в произвольную парадигму отношений, облекаясь в типизированные логико-синтаксические структуры. Банальность трансформируется в парадокс.

К числу весьма распространенных афористических конструкций К. Пруткова должны быть отнесены модели сложноподчиненных предложений с определительными придаточными, присоединяемыми к главной части преимущественно относительным местоимением *который*: *Англичанин не любит мяса, которое не вполсыро* (Пр., Н, 80); *Глупейший человек был тот, который изобрел кисточки для украшения и золотые гвоздики на мебели* (Пр., 97).

Все сложноподчиненное предложение с атрибутивными отношениями может быть построено в виде риторического вопроса: *Где начало того конца, которым оканчивается начало?* (Пр., 78); *Есть ли на свете человек, который мог бы обнять необъятное?* (Пр., Н, 91).

Единственным случаем представлена конструкция, в которой придаточная часть, присоединяемая относительным местоимением *кой*, инкорпорируется в главную: *Детям, у коих прорезываются зубы, смело присоветую фиалковый корень* (Пр., Н, 72).

Одна из заметных особенностей рассматриваемых сложных структур состоит в том, что они, в отличие от предыдущих типов, довольно часто осложняются однородными и обособленными членами предложения, ср.: *Магнитная стрелка, непреодолимо влекомая к северу, подобна мужу, который блюдет законы* (Пр., 32); *Двое несчастных, находящихся в дружбе, подобны двум слабым деревцам, которые, одно на другое опершись, легче могут противиться бурям и всяким неистовым ветрам* (Пр., Н, 84); *Благополучие, несчастие, бедность, богатство, радость, печаль, убожество, довольство суть различные явления одной гисторической драмы, в которой человеки репетируют роли свои в назидание миру*

(Пр., Н, 74). Это лишний раз подтверждает тот факт, что книжные (авторские) афоризмы безразличны к длине, степени сложности синтаксической оболочки, в которую они облекаются. Главное для них - выразить саму мысль, имеющую, как правило, двучленную структуру. Поэтому афоризмы композиционно двухчастны, но части эти достаточно автономны во внешне-языковом оформлении, они далеки от принципов симметрической организации, столь характерной для пословиц.

Много афоризмов, воплощенных в сложноподчиненные предложения с отношением обусловленности, части которых соединяются между собой союзом *если* или редко - его эквивалентом. Среди них наиболее распространены два семантических подтипа:

а) конструкции, в которых обусловленная часть реализует императивное предписание, адресованное 2-му лицу и отнесенное в будущее: *Если хочешь быть счастливым, будь им* (Пр., 80); *Если хочешь быть красивым, поступи в гусары* (Пр., 16); *Если у тебя есть фонтан, заткни его: дай отдохнуть и фонтану* (Пр., 22); *Если на клетке слона прочтешь надпись "буйвол", не верь глазам своим* (Пр., 106); *Если хочешь быть покоен, не принимай горя и неприятностей на свой счет, но всегда относи их на казенный* (Пр., Н, 86); *Не поступай в монахи, если не надеешься выполнить обязанности свои добросовестно* (Пр., Н, 37); *Трудись, как муравей, если хочешь быть уподоблен пчеле* (Пр., Н, 48);

б) конструкции, реализующие гипотетическое условие и гипотетический результат и включающие в обе предикативные части оптативно-сослагательную частицу *бы: Правда не вышла бы из колодезя, если бы сырость не испортила ее зеркала* (Пр., Н, 12); *Спокойствие многих было бы надежнее, если бы дозволено было относить все неприятности на казенный счет* (Пр., 130); *Два человека одинаковой комплекции дрались бы недолго, если бы сила одного превозмогла силу другого* (Пр., 69); *Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников!* (Пр., Н, 96); *Люди не перестали бы жить вместе, хотя бы разошлись в разные стороны* (Пр., Н, 56).

Предикативная часть, выражающая результат, может не включать в себя частицу *бы*, и в таком случае она имеет иную структуру и модальную ориентацию, ср.: *Если бы вся вселенная обратилась в одно государство, то как не установить повсюду одинаковых законов?* (Пр., Н, 94).

Конструкции с условными отношениями иной семантики редки и зафиксированы двумя случаями: *Сребролюбцы! Сколь ничтожны*

ваши стяжения, коли все ваши сокровища не стоят одного листка из лаврового венка поэта! (Пр., Н, 15); *Что скажут о тебе другие, коли ты сам о себе ничего сказать не можешь?* (Пр., 8).

Как показывают приведенные случаи, придаточное условное почти всегда занимает препозицию, что в принципе соответствует нейтральному языковому узусу. Следовательно, и в данном случае "соль" афоризма актуализируется без заметного участия собственно синтаксических средств, а исключительно - за счет столкновения компонентов содержательного плана.

Прочие сложноподчиненные предложения, части которых соединяются между собой средствами, выходящими за рамки приведенных выше, эпизодичны. Таковы конструкции, оформляемые:

а) соотносительными *столь - сколь,* реализующими сопоставительное соответствие: *Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза* (Пр., 73); *Пища столь же необходима для здоровья, сколь необходимо приличное обращение человеку образованному* (Пр., 37);

б) *чем, тем - чем,* представляющими отношения сопоставительно-противопоставительные: *Легче держать вожжи, чем бразды правления* (Пр., Н, 57); *Чем скорее проедешь, тем скорее приедешь* (Пр., 79); *Продолжать смеяться легче, чем окончить смех* (Пр., 76); часть, присоединяемая сравнительно-сопоставительным *чем*, всегда обнаруживает структурную неполноту, являющуюся нормой;

в) относительным наречием *как,* выражающим сопоставительно-сравнительные отношения: *Прихоти производят разнородные действия во нраве, как лекарства в теле* (Пр., Н, 22); *Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных средств* (Пр., 116); *Укрываться от дождя под дырявым зонтиком столь же безрассудно и глупо, как чистить зубы ножданом или сандараком* (Пр., Н, 42);

г) союзом *что,* употребленным для актуализации причинно-пояснительных отношений; конструкция в целом представляет собой контаминацию главной части, предполагающей придаточную причины, в то время как придаточная построена по модели изъяснительной структуры, ср.: *Человек раздвоен снизу, а не сверху, - для того, что две опоры надежнее одной* (Пр., 95); это - единственная конструкция такого типа;

д) союзом *ибо* в его традиционном значении: *Усердный в службе не должен бояться своего незнанья; ибо каждое новое дело он прочтет* (Пр., 82); *Стремясь уплатить свой долг, и ты достигнешь двоякой цели, ибо тем самым его исполнишь* (Пр., Н, 11);

е) относительным словом *когда* в условно-временном значении констатирования: *Когда народы между собой дерутся, это называется войною* (Пр., Н, 97).

В целом, как очевидно из общего обзора сложноподчиненн
едложений, используемых Прутковым для оформления его аф
змов, диапазон средств, служащих для соединения частей и
вольно ограничен. Это *что, чтобы, который, если, чем, тем*
и. Что касается остальных средств союзного и относительно
дчинения, то они остаются вне афористического идиости
уткова, и это не может не свидетельствовать об ограниченно
его синтаксиса, в отличие от синтаксиса пословиц, широ
едставляющего синтаксические потенции национального язы
всем его разнообразии и богатстве.

Бессоюзное сложное предложение

аметная черта бессоюзных сложных предложений, использу
х для выражения афористической мысли Пруткова, - это фор
льная несоотнесенность их частей: они различны по объему
то - и по схеме организации. Для них чужда рамочность
лифованность, симметричность частей структур народно
ристики. Соответственно представлена и их семантика, ско
- диффузная и синкретичная, чем определенная и специали
ованная.

аиболее часто бессоюзные афористические конструкции обна
ивают отношения, близкие к пояснительным: во второй части
о раскрывается содержание первой части, либо оно в каком-то
не комментируется, либо представлена сюжетная миниатюра
мотивам общей идеи, декларированной в первой части, и т. д.
едко поясняющая и комментирующая часть содержит компо
так, сигнализирующий параллельность, вспомогательность,
изводность реализуемой в ней мысли[12], ср.: *От малых причин*
ают весьма важные последствия; так, отгрызение заусенца
инило моему знакомому рак (Пр., Н, 59); *Ценность всего услов*
зубочистка в бисерном чехле, подаренная тебе в сувенир,
авненно дороже двух рублей с полтиной (Пр., Н, 81); *Под слад*
выражениями таятся мысли коварные: так, от курящего та
нередко пахнет духами (Пр., 65); *Память человека есть лист*
й бумаги: иногда напишется хорошо, иногда дурно (Пр., 10);
го не доводи до крайности: человек, желающий трапезовать
ком поздно, рискует трапезовать на другой день поутру (Пр.,
Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя (Пр.,
Советую каждому: даже не в особенно сырую и ветреную по
закладывать уши хлопчатою бумагою или морским канатом

---

[12] О природе подобных конструкций см.: *Тарланов З. К.* Очерки по синтак
русских пословиц. С. 70

(Пр., 132); *Неправое богатство подобно кресс-салату, - оно растет на каждом войлоке* (Пр., 137); *Добрая сигара подобна земному шару: она вертится для удовольствия человека* (Пр., 155); *Опять скажу: никто не обнимет необъятного*! (Пр., 160); *Человек! возведи взор свой от земли к небу, - какой, удивления достойный, является там порядок!* (Пр., Н, 78).

Афоризм строится так, что вторая часть его раскрывает причину того, о чем идет речь в первой. При этом первое предикативное единство, объединяемое в сложное целое, представляет собою модель односоставного определенно-личного предложения с главным членом в форме императива, обращенного к собеседнику. В целом такие структуры чрезвычайно характерны для традиционно-учительной литературы с ее неприкрытой назидательностью. Та же назидательность, прямая или пародийная, составляет неотъемлемое свойство и афоризмов К. Пруткова, например: *Не робей перед врагом: лютейший враг человека - он сам* (Пр., 59); *Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны* (Пр., 91); *Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою* (Пр., 156); *Не печалуйся в скорбях, - уныние само наводит скорби* (Пр., Н, 66); *Не прибегай к щекотке, желая развеселить знакомую, - иная назовет тебя за это невежей* (Пр., Н, 69); *Не ходи по косогору: сапоги стопчешь* (Пр., 131).

Части бессоюзных сложных предложений централизуются вокруг сопоставительных отношений, однако подобные конструкции весьма немногочисленны и не всегда четко отграничены от конструкций, выражающих изъяснительные, пояснительные и пр. подобные отношения, ср.: *Наука изощряет ум; ученье вострит память* (Пр., 7); *Магнит показывает на север и на юг; от человека зависит избрать хороший или дурной путь жизни* (Пр., 93); *Муравьиные яйца более породившей их твари; так и слава даровитого человека далеко продолжительнее собственной его жизни* (Пр., 107). Такая модель реализации мысли чрезвычайно распространена в народной афористике - в пословицах, ибо она открывает бесконечные возможности для образной организации речи, что, как выясняется, не так уж существенно для синтаксиса афоризмов Пруткова.

Единичными примерами представлены конструкции, выражающие основание и следствие, условие и следствие, ср.: *Щелкни кобылу в нос - она махнет хвостом* (Пр., 58); *Не будь цветов, все ходили бы в одноцветных одеяниях!* (Пр., Н, 3); *Гони любовь хоть в дверь, она влетит в окно* (Пр., Н, 44).

основных семантических типов бессоюзных сложных
ений, в которые воплощаются афоризмы Пруткова, под-
ют вывод, сделанный на материале сложноподчиненных
ений: здесь, как и там, типология их и синтаксические
оформления мысли относительно однообразны. Внешне
й форме здесь не отводится сколько-нибудь заметное мес-
слов, языковых значений, оттенков, нюансов их явствен-
винута на второй план. Отсюда - однообразие и даже
активно используемых синтаксических средств и конст-
Единственное, что безусловно выдвинуто в центр внима-
о содержание логического или шире - культурно-истори-
плана.

кные предложения усложненного типа
рхфразовые единства

измы, по своему объему превосходящие сложные предло-
далеко не одинаковы по их структуре. С одной стороны,
тносятся многокомпонентные сложные предложения, т. е.
жения, включающие в себя более чем два предикативных
а. С другой, - по чисто семантическим характеристикам
е должны быть отнесены законченные микротексты, пост-
е не столько по законам организации сложного предложе-
олько по законам порождения текста, включающего в себя
дложений, как простых, так и сложных. Объединение тех
их под одним названием оправдывается тем, что речь идет
е афоризмов, тексты которых оформляются по-разному,
афоризмах, характеризующихся разной текстовой протя-
тью. Отличаясь неодинаковой линейной протяженностью,
мы-сверхфразовые единства сохраняют композиционный
физм с афоризмом-высказыванием.

олее многочисленны и разнообразны по структуре те кон-
ии, которые представляют собой полипредикативные слож-
едложения. По своим формальным характеристикам они
отся от соответствующих сложных предложений лишь ко-
вом образующих их предикативных единиц и сочетанием
соединения этих единиц между собой. Если в обычном
м предложении составляющие его части соединяются либо
тельными союзами, либо подчинительными союзами и их
ентами, либо же бессоюзной (нулевой)[13] связью, то в кон-

ланов З. К. Язык. Этнос. Время. С. 80-83; *Он же.* Синтаксические
сложных предложений в русском языке // Вопросы языкознания.

струкциях усложненного типа одновременно могут функционировать все типы связи. Следовательно, сложные конструкции усложненного типа, реализуя в принципе те же синтаксические отношения посредством тех же синтаксических средств, что и в обычных сложных предложениях, противостоят последним лишь своей комплексностью как в плане выражения, так и в плане содержания. Поэтому они представляют интерес не столько для синтаксиса, сколько для стилистики текста[14].

По своей сугубо внешне-синтаксической организации, по манере дислокации компонентов сложные конструкции усложненного типа нередко напоминают соответствующие типы минимальных сложных предложений, ср.: *Смотри вдаль - увидишь даль; смотри в небо - увидишь небо; - взглянув в маленькое зеркальце, увидишь только себя* (Пр. 77); *Все говорят, что здоровье дороже всего; но никто этого не соблюдает* (Пр., 48) - аналоги сочинительного ряда; *Начало ясного дня смело уподоблю рождению невинного младенца: быть может, первый не обойдется без дождя, а жизнь второго без слез* (Пр., 28) - аналог бессоюзного ряда; *Чувствительный человек подобен сосульке; пригрей его, он растает* (Пр., 99) - аналог подчиненного ряда.

Независимо от степени усложненности, количества объединяемых в одно целое предикативных единств рассматриваемые конструкции отчетливо распадаются на две непосредственно составляющие их части, на два композиционных элемента. Условно эти элементы можно обозначить как *тематический* и *рематический*. Первый элемент, компонент (часть), располагаясь, естественно, препозитивно, как бы задает тему, в то время как следующий, второй, компонент как бы объясняет, комментирует, толкует ее, ср.: *Достаток распутного равняется короткому одеялу* (общее суждение с предикатом, заявленным для раскрытия, разъяснения. - *З. Т.*): натянешь его к носу, обнажатся ноги (Пр., 49); *Девицы вообще подобны шашкам: не всякой удается, но всякой желается попасть в дамки* (Пр., 128); *Всякая человеческая голова подобна желудку: одна переварцвает входящую в оную пищу, а другая от нее засоряется* (Пр., 138); *Весьма остроумно замечает Фейербах, что взоры беспутного сапожника следят за штопором, а не за шилом, отчего и происходят мозоли* (Пр., Н, 10) - комментарий-заключение *отчего и происходят мозоли* относится ко всей предыдущей части.

Тематическая и рематическая части афоризмов различны по объему и асимметричны. Как правило, объемно преобладает тема-

[14] *Тарланов З. К.* Очерки по синтаксису русских пословиц. С. 122-123.

тический их компонент, но нередки и противоположные ва
ты, ср.: *Глупец гадает; напротив того, мудрец проходит жизн
огород, наперед зная, что кой-где выдернется ему репа, а ко
и редька* (Пр., Н, 13). В этом случае тематической части "гл
гадает" противопоставлен весь последующий текст, контра
объясняющий смысл первого члена оппозиции. Аналогично
стоит дело и в конструкции: *Век живи - век учись! И ты, нак
достигнешь того, что, подобно мудрецу, будешь иметь право
зать, что ничего не знаешь* (Пр., Н, 14).

Рематическая часть афоризма может оформляться в виде р
рического вопроса, замыкающего, заключающего высказыва
*Если бы все прошедшее было настоящим, а настоящее продолж
существовать наряду с будущим, кто бы был в силах разобр
где причины и где последствия?* (Пр., 146); *Одна природа неизм
на, но и та имеет свои: весну, лето, зиму и осень; как же хоч
ты придать неизменность формам тела человеческого?!* (Пр.
47); *Даже летом, отправляясь в вояж, бери с собой что-л
теплое, ибо можешь ли ты знать, что случится в атмосфе
(Пр., Н, 39).

Однако следует заметить, что подобная прозрачная компози
онная двучленность характеризует не все афоризмы Прутко
Едва ли она очевидна, например, в следующих случаях: *Нико
не теряй из виду, что гораздо легче многих не удовлетвори
чем удовольствовать* (Пр., 156); *Добродетель служит сама с
наградой; человек превосходит добродетель, когда служит и не
лучает награды* (Пр., Н, 1); *Счастье подобно шару, который под
тывается: сегодня под одного, завтра под другого, послезавтра
третьего, потом под четвертого и т. д., соответственно чи
и очереди счастливых людей* (Пр., 147). Если судить формаль
концом тематической части в приведенных афоризмах мож
считать место постановки первого знака препинания. В дейст
тельности же эти границы сдвинуты, поскольку опорные в ком
зиционном плане лексемы первой части семантически наполн
ются лишь благодаря их включенности во вторую, рематическу
часть.

Иногда афоризм строится градационно, тематическая часть е
оказывается подвижной, скользящей, благодаря чему композ
ционные элементы распределяются как бы волнообразно, с
*Не уступай малодушно всеобщим желаниям, если они против
твоим собственным; но лучше, хваля оные притворно и нарочи
оттягивая время, нерешительно*

женщину; но всякий умный наблюдательный петербуржец никогда не согласится ни с теми, ни с другими; ибо всего переменчивее петербуржская атмосфера! (Пр., Н, 40).

Среди афоризмов выделяются и такие, которые вполне могут квалифицироваться как композиционно одночленные, ср.: *Друзья мои! Идите твердыми шагами по стезе, ведущей в храм согласия, а встречаемые на пути препоны преодолевайте с мужественною кротостью льва* (Пр., Н, 10); *Настоящее есть следствие прошедшего, а потому непрестанно обращай взор свой на зады, чем сбережешь себя от знатных ошибок* (Пр., Н, 64).

Примечательны афоризмы, выстроенные по схеме силлогизма, не лишенного, однако, намеренно предусмотренного столкновения внутренне-содержательных деталей, ср.: *Собака, сидящая на сене, вредна, курица, сидящая на яйцах, полезна. От сидячей жизни тучнеют: так, всякий меняло жирен* (Пр., 136).

Перечисленными типами далеко не исчерпывается разнообразие семантических отношений, реализуемых усложненными конструкциями. Существенно, однако, то, что между этими конструкциями и минимальными сложными предложениями обнаруживается безусловный изоморфизм, и это избавляет от необходимости более детального их описания с точки зрения представляемых ими отношений.

Для полноты картины необходимо кратко остановиться также на тех афоризмах, которые построены в виде связных текстов, включающих в себя несколько синтаксически законченных целых - предложений. Разумеется, и здесь дает о себе знать семантический изоморфизм с минимальными сложными предложениями, что опять-таки освобождает от подробного описания отношений между составляющими их частями.

По организации, целевой направленности, модальности рассматриваемые тексты делятся на ряд типов:

1. Тексты, представляющие собой ряд независимых друг от друга суждений или инвектив, предшествующие из которых образуют контрастирующий фон для оттенения смысла последнего, аккордного, суждения, и наоборот, ср.: *Не растравляй раны ближнего; страждущему предлагай бальзам... Копая другому яму, сам в нее попадешь* (Пр., 50); *Лжет непростительно, кто уверяет, будто все на свете справедливо! Так, изобретший употребление сандарака может быть вполне убежден, что имя его останется неизвестным потомству!* (Пр., Н, 38); *Жизнь - альбом. Человек - карандаш. Дела - ландшафт. Время - гумиэластик: и отскакивает и стирает* (Пр., 75); *Всякий необходимо причиняет пользу, упо-*

требленный на своем месте. Напротив того: упражнения лучшего танцмейстера в химии неуместны; советы опытного астронома в танцах глупы (Пр., 61); *Соразмеряй добро, ибо как тебе ведать, куда оно проникнет? Лучи весеннего солнца, предназначенные токмо для согревания земляной поверхности, нежданно проникают к месту, где лежат сапфиры!* (Пр., Н, 18).

2. Тексты, построенные либо по типу диалога, либо имитирующие диалог: *"Зачем, - говорит эгоист, - стану я работать для потомства, когда оно ровно ничего для меня не сделало?" - Несправедлив ты, безумец! Потомство сделало для тебя уже то, что ты, сближая прошедшее с настоящим и будущим, можешь по произволу считать себя: младенцем, юношей и старцем* (Пр., 38); *Что есть хитрость? - Хитрость есть оружие слабого и ум слепого* (Пр., Н, 49); *Если у тебя спрошено будет: что полезнее, солнце или месяц? - ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло; а месяц - ночью* (Пр., 54).

3. Тексты, вторая, заключительная, часть которых оформляется в виде риторического вопроса или суждения в вопросе по поводу того, о чем говорится в первой, предваряющей, части, ср.: *Жизнь нашу можно удобно сравнивать со своенравною рекою, на поверхности которой плавает челн, иногда укачиваемый тихоструйною волною, нередко же задержанный в своем движении мелью и разбиваемый о подводный камень. Нужно ли упоминать, что сей утлый челн на рынке скоропреходящего времени есть не кто иной, как сам человек?* (Пр., 2); *Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие позволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?* (Пр., 55).

4. Тексты, заключительная часть которых представляет собой приглашение к размышлению, разгадке того, о чем говорится в первой части: *Снег считают саваном омертвевшей природы; но он же служит первопутьем для жизненных припасов. Так разгадайте же природу!* (Пр., 134).

Таким образом, сверхфразовые единства, безусловно отличаясь от минимальных сложных предложений и сложных предложений усложненной структуры по объему, тем не менее повторяют, дублируют их по композиции (все они двухчастны), по функциональной соотнесенности частей (одна из них выполняет роль ремы по отношению к другой, к той, которая намечает тему основного суждения либо служит для него контрастным (чаще всего) или "симпатическим" фоном); по способам "связывания" их - либо посредством специальных средств, либо без них; по

типологии синтаксического оформления стержневых структур в композиционных частях афористических текстов; и т. д. Это обстоятельство лишний раз убеждает в том, что сверхфразовые синтаксические единства, как и конструкции усложненного типа, - это объект не столько синтаксиса как части грамматики, сколько стилистики, в частности, того ее раздела, который прослеживает функциональные потенции разнообъемных языковых единиц.

Общий обзор афоризмов Козьмы Пруткова демонстрирует диапазон синтаксических форм, в которых воплощается его афористическая мысль. Уже предварительное сопоставление их с народными афоризмами убеждает в том, что они безусловно уступают последним не только по совершенству формы и отточенности содержания, но и по типологии используемых в них конструкций, по относительной ограниченности тематики и по другим параметрам.

В книжной афористике, в том числе и прутковской, значительна роль игры как компонента, сознательно внедряемого в структуру целого, чего нет и не может быть, например, в народных пословицах, складывающихся и оттачивающихся в течение длительного времени и стихийно.

Книжные афоризмы безразличны к эстетике формы, лишь бы присутствовала опора для содержательного эффекта, основывающегося на ассоциациях, связанных с соответствующим компонентом высказывания. Афористичность держится на детали, в то время как для народных пословиц деталь, детализация вообще чужда как прием изображения. Пословицы обобщают опыт жизни, формулируя закономерности, - в этом их сущность.

Пословицы никогда не настраивают на смех, не предназначены для высмеивания. *Они учат на опыте жизни.* Они спокойны, совершенны, полны достоинства, поэтому не нуждаются в опоре на случайно сталкиваемые между собой детали. Этого нельзя утверждать об афоризмах, в особенности - об афоризмах-пародиях, призванных воздействовать на слушателя посредством смеха, остроумного, иронического оттенения каких-то сторон предмета суждения - жизни человеческой в широком смысле слова.

Пословица - это аргумент и украшение разговорной речи. Краткостью, емкостью, слаженностью, авторитетностью, законченностью формы она стоит вне конкуренции в национальной словесно-художественной культуре, нет равных ей созданий. Именно поэтому пословица не терпит того, что противоречит актуальным нормам разговорной речи. Внешне-языковая ее оболочка находится в непрерывном и непрестанном движении, как и сама разго-

ворная речь. Книжные же, авторские, афоризмы, раз создаваясь, остаются неизменными, хронологически и тематически локализованными памятниками своего времени, переходящими за его рамки в той мере, в какой сохраняют свою смысловую доступность.

Авторитет пословицы самодостаточен, ее используют в качестве непререкаемого аргумента практически в любом случае жизни, в то время как авторитет книжного афоризма определяется авторитетом создавшего его автора. Соответственно авторитет книжного афоризма относителен, неустойчив. Книжный афоризм, накладываясь на те или иные социально-исторические условия либо отторгаясь ими, способен колебаться в диапазоне от восторженно-бездумного поголовного повторения до полного неприятия и оскорбительного осмеяния. Применительно к пословице подобные коллизии едва ли возможны, ибо пословица - это составляющее, компонент, черта самой этнической культуры, не подлежащей публичному осмеянию, надругательству.

Словом, долго можно перечислять параметры, по которым книжные афоризмы противостоят пословицам, но это не приблизит нас к уяснению синтаксической природы самих афоризмов, в частности и прутковских. Что же касается афоризмов Козьмы Пруткова, то их не обходили вниманием, как и все его творчество. Отдельные наблюдения над содержанием, источниками, тематической ориентированностью прутковских афоризмов можно найти почти во всех работах, посвященных творчеству Пруткова[15]. Но многие из них не идут дальше общих оценок, типологически удивительно похожих друг на друга. Так, весьма распространенным является суждение, что в прутковских афоризмах "отражено лишь сугубо "казенное" и предельно ограниченное мышление"[16]. Их делят на "официально-канцелярские", "философские",

---

[15] См., напр.: *Берков П. Н.* Козьма Прутков - директор Пробирной Палатки и поэт. Л., 1933; *Десницкий В. А.* Козьма Прутков // Избр. соч. Козьмы Пруткова. Л., 1953; *Сукиасова И. М.* Язык и стиль пародий Козьмы Пруткова. Тбилиси, 1961; *Сквозников В.* Козьма Прутков // Соч. Козьмы Пруткова. М., 1965; *Масанов Ю.* Директор Пробирной Палатки и поэт // В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963; *Бухштаб Б. Я.* Козьма Прутков // Прутков, Козьма. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965; *Привалова М. И.* О некоторых источниках "Мыслей и афоризмов" Пруткова // Вестник ЛГУ. 1967. № 8. Вып. 2. С. 76-96; *Ронинсон О. А.* Истоки языковой и литературной позиции создателей Козьмы Пруткова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988; и др.

[16] *Сукиасова И. М.* Указ. соч. С. 241. Иные подходы к их оценке, как и к творчеству Козьмы Пруткова в целом, намечены и в значительной мере реализованы в упомянутом очерке Дм. Жукова.

"военные", "отвлеченно-риторические", "нравоучительные" и т. д.[17] Однако при всей важности тематических классификаций, они не могут дать хоть какое-то представление об афоризмах как явлениях словесно-художественных.

Имея в виду принципы организации прутковских афоризмов, не раз обращали внимание, в частности, на их "алогизм" и "пародийность", "гениальность по тупости", "бесконечную ограниченность", "ироническое двоение фразы" и т. д. и т. п. Однако подобного рода оценки нельзя не считать слишком идеологичными, прямолинейно следующими за отвлекающими комментариями создателей Пруткова.

В "Биографических сведениях о Козьме Пруткове" В. М. Жемчужников писал: "...он перенял от других людей, имевших успех: смелость, самодовольство, самоуверенность, даже наглость и стал самодовольно выставлять свою ограниченность и свое невежество, которые иначе остались бы неизвестными вне стен Пробирной Палатки... Будучи умственно ограниченным, он давал советы мудрости; не будучи поэтом, он писал стихи и драматические сочинения; полагая быть историком, он рассказывал анекдоты; не имея ни образования, ни хотя бы малейшего понимания потребностей отечества, он сочинял для него проекты управления. - "Усердие все превозмогает..."[18]

Хотя чаще всего в поле зрения Пруткова оказывается "казенное" видение жизни, тем не менее его афоризмы выходят далеко за рамки "чиновничьего" мира. Воплощаясь в образы разных лиц, представляющих соответствующие пласты общества, Прутков демонстрирует универсальный юмор, полный тонкой иронии и "веселого лукавства ума", признававшегося А. С. Пушкиным неотъемлемой чертой русского национального характера. Поэтому безусловно прав Дм. Жуков, когда убедительно показывает, насколько неудачны попытки "превратить Козьму Пруткова в обыкновенного пародиста[19].

Здравый смысл, тонкий и лукавый юмор, остроумие, доброжелательность тона - таковы некоторые содержательно-стилистические доминанты творчества Пруткова, вписанного его блистательными создателями в сокровищницу русской словесно-художественной культуры XIX века.

Один из очевидных парадоксов в исследовании афоризмов Пруткова состоит в том, что интерпретации их нередко подменя-

---

17 Там же. С. 242-246.

18 Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1959. С. 300-301.

19 *Жуков Д.* Указ. соч. С. 282.

ются либо пересказом общего содержания, либо маловыразительными комментариями к ним. Так, И. М. Сукиасова, констатируя наличие у Пруткова множества сравнений, "вся цель которых (по Б. Я. Бухштабу. - *З. Т.*) что-либо чему-либо уподобить", замечает: "Однако у Пруткова сравнение - это не сближение явлений или предметов при помощи вторичных признаков, служащее художественным средством образной речи, а подчас совершенно непонятные уподобления"[20]. Эта оценка иллюстрируется рядом афоризмов с компаративом, лишенным, по мнению комментатора, смысловой детерминации. Остановлюсь на одном из них - *Иного прогуливающегося старца смело уподоблю песочным часам.* Является ли уподобление здесь непонятным? Отнюдь нет. Дело в том, что уподобление в данном случае основывается на переносном значении слова *песок*, зафиксированном в национально-синтаксическом континууме в толковании А. А. Потебни[21]. Это подтверждается и Словарем В. И. Даля, в котором в качестве одного из значений слова *песок* с пометами *сев., бран.* дается *дряхлый старик, старуха*: *Песок ты, старая шлея! Экой песок, карга старая!*[22]

Еще один пример парадоксального комментария: "Смысл многих собственно прутковских изречений целиком подчинен алогизму. Например, в афоризме: "Трудись как муравей, если хочешь быть уподоблен пчеле" (Пр., 183) алогизм достигнут путем нелепого сопоставления муравья и пчелы"[23]. Кажущаяся "нелепость" сопоставления исчезает, как только вспомним, что сравнение *как муравей* в сочетании с глаголом *работать* абсолютно синонимично сравнению *как пчела* (ср.: *работает, старается, как пчела; работает, старается, как муравей).* Семантически взаимозаменяемые сравнения реализуются словами, отличающимися по их денотативной отнесенности и внешне-звуковому оформлению. В этом - соль, смысл игры слов, на которой построен афоризм. Подобной игрой слов, внутритекстовым столкновением их отмечены все афоризмы Пруткова, которые благодаря этому прекрасно вписываются в высокую словесно-художественную культуру России XIX века. По тем же основаниям они не могут быть уже привязываемы к каким-то материалам, по отношению к которым в свое время могли выполнять и пародийную роль. В силу своей эстетической самобытности и полновесности они представляют

---

[20] *Сукиасова И. М.* Указ. соч. С. 248.

[21] См.: *Тарланов З. К.* Процесс общения и содержательность языковых форм // Kształcenie porjzumiewania şie. Opole, 1994. S. 89.

[22] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. СПб.; М., 1882. С. 103.

[23] *Сукиасова И. М.* Указ. соч. С. 248.

собой особую линию реализации русской национально-художественной потенции. Для них чужды как вульгарная эстрадность, так и стремление к квазиглубокомыслию. Они просты, естественны, непритязательны, как и сама жизнь. Именно в этой обращенности к национальной манере юмора с лукавством, сдержанности, выразительности языковых средств - важнейшая черта, сближающая афоризмы Пруткова с народными афоризмами.

Вместе с тем они и кардинально противостоят пословицам, которым уступают не только в разнообразии синтаксического воплощения, но и принципами создания и поддержания образности: в афоризмах Пруткова, как и в книжной афористике в целом, образно-конструктивная канва их почти исключительно ограничивается семантическими оппозициями, реализуемыми чаще всего на уровне слова, в то время как пословичная образность обнимает все уровни языка, начиная с звукового (эвфонического) и кончая синтаксическим (типология и объем предложений).

Как бы то ни было, время подтвердило, что афоризмы Пруткова заняли свое, незаменимое место в истории русской словесной культуры. Они вышли далеко за рамки эпохи, в которую были созданы, - прежде всего благодаря их художественным достоинствам. Поэтому деление их на так называемые "официально-канцелярские", "философские", "нравоучительные" и подобные теперь уже не может не восприниматься как социологизированный анахронизм.

Построенные по законам художественного произведения с блестящим использованием таких приемов, как лексический каламбур, совмещенность разных значений слова в акте речи, полисемия, антитеза, простирающаяся на слово, его структуру, на синтаксис, сравнение, сопоставление и противопоставление и т. д., многие из афоризмов Пруткова функционально приблизились к пословицам, а те, которые в свое время воспринимались как претенциозные пустые чиновничьи изречения, перешли в разряд синтаксических формул, насыщенных глубоким культурно-историческим смыслом, претерпя, так сказать, своего рода вторичное семантическое восполнение.